

СЕРГЕЙ ШВЕЙ

Лопнувшая лампа

Сергей Швей

Лопнувшая лампа

«Издательские решения»

Швей С.

Лопнувшая лампа / С. Швей — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-504596-6

По серому бескрайнему мегаполису бродит загадочный фантом. Тень преследует свои зловещие цели, и встреча с ней не сулит ничего хорошего. Однако для некоторых она неизбежна, как встреча с собственной смертью или безумием... Но кем на самом деле является Тень? Ответ на этот вопрос может оказаться крайне неожиданным... «Лопнувшая лампа» — мистический философский роман с экзистенциальными мотивами, проникнутый глубинным осмыслением сущности повседневных явлений и хрупкости человеческого бытия.

ISBN 978-5-00-504596-6

© Швей С.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Лопнувшая лампа

Сергей Швей

*Мысли материальны,
слова материальны...*

Корректор Юлия Власенко

Редактор Юлия Власенко

© Сергей Швей, 2019

ISBN 978-5-0050-4596-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Тусклые пепельные лучи солнца пробиваются сквозь мрачный полог туч, неделикатно вторгаясь в последние минуты моего сна. Ах, эти последние минуты! Все время кажется, что именно это украденное время и было самым продуктивным, самым сладким. Именно эти мгновения и наполнили бы тебя необузданной, почти божественной энергией бодрости. Покидая пределы крепостных стен кровати, ворчливо и неохотно, я машинально бреду покорно исполнять все утренние дела, надлежащие каждому воспитанному джентльмену моего возраста.

Сегодня день бриться, а значит, он не задался с самого начала. Надо тратить сладкие секунды лени на бессмысленное стояние перед зеркалом, по-дирижерски водя бритвенным станком у лица. В этом простом и регулярном действии как нигде раскрывается тайна цикличности бытия – сколько бы ты ни объявлял бой растительности на своем лице, сколь ни был бы искусен в ремесле цирюльника, волосы вернуться, и ты лишь выигрываешь битву, проигрывая войну. Экзекуция еще не начата, а я уже, не скрывая внутренних содроганий и бесконечной жалости к себе, мысленно ощущаю холодные прикосновения острого металла к коже, репетирую и примеряю всевозможные обезьяньи гримасы, которые буду строить перед зеркалом, дабы ни один юркий волосок не укрылся от моего праведного гнева.

В давнем противостоянии сна со всеми остальными вещами, что день ото дня окружают меня утром, сон давно вышел победителем. Свою гегемонию он устанавливал методично и пошагово: сначала я перестал завтракать, ограничивая утренний рацион только допингом в виде кофе, потом, подчиняясь декретам моего нового господина, отказал себе и в этом удовольствии – все ради лишних минут блаженного бездействия. И вот сейчас, как нарочно, упрямая щетина, возомнив себя Марианной, намеревается сбросить оковы тирании и отнимает у меня эти лишние минуты, заранее портя мне настроение. Будь моя воля, я часами лежал бы в постели, позволяя демонам прокрастинации вырваться на волю и творить любые бесчинства, которые они сочтут нужными. И только одна банальная вещь всегда пресекала этот заманчивый сценарий – реальная жизнь.

Мы давно стали рабами вещей. Я вспоминаю себя в двадцать лет: когда настала пора упорхнуть и покинуть отчий дом, у меня были пара-тройка холщовых мешков с одеждой, пара коробок с обувью да компьютер. С этим незатейливым багажом я ринулся покорять взрослую жизнь, строить быт на свой манер.

Я всегда считал себя по-скандинавски минималистичным. Очень гордился этим и всячески рекомендовал такой стиль жизни окружающим. Вы летаете с большим чемоданом? Фу, копуши! Регистрируя, сдавая и получая его в аэропортах, вы теряете столько драгоценного времени. Только ручная кладь! Вы тащите все в дом? Скрыги! Ненужное барахло завоевывает необходимое вам жизненное пространство, а уж про царство пыли я и говорить не хочу.

И вот теперь, столкнувшись с проблемой переезда, я осознал, что ничуть не лучше всех остальных. Огромная картонная коробка за номером пять уже доверху была заполнена моими вещами, которые и не собирались заканчиваться. И это я еще не приступал к обуви! Она определенно принадлежала даже не сороконожке, а многоногому божку из мифов.

Гора всевозможных гаджетов недоверчиво косилась на меня. Кухонные принадлежности мощным фронтом выдвигались с левого фланга: блендеры, прикрываемые вафельницами и блинницами, угрожающе приближались и нависали.

И этот вещизм, все материальные привязанности – всё корнями уходит в цикл наших привычек. Мы не можем отречься от этого. Вернее, можем, но не хотим. Идти по пути наименьшего сопротивления, искать простейшие закономерности, отгалкивая сложные и более логичные, – вот наш путь, наш выбор. Мы уже расчертили себе путь, написали сценарий. Что толку, если результат практически предопределен, а неопределенность требует больших уси-

лий, больших вложений и, в случае неуспеха, – больших разочарований. Любовь к риску – это скорее исключение, удел тонкой прослойки избранных и непонятых людей. А мы не желаем быть непонятыми, не желаем быть другими. Мы ненавидим ксеносов, которые отличаются от нас, но внутри мы и сами – ксеносы. Однородная неоднородность, непластичная пластичность. Единство непохожих элементов и заставляет работать систему эффективно.

Я открываю дверь, делая несчетное множество поворотов ключа. Их количество я не могу, да и вряд ли хотел бы запоминать. Открыть, выйти, повторить все обороты в обратном порядке, запирая дверь, отпереть вторую – вот она, полнотелая любовь человечества к сокрытию частного, проявляется каждый день, да так часто, что мы уже не придаем этому никакого значения. Мастерски повторяю процедуру. До выхода в открытый космос меня отделяет все меньше и меньше пространства – последняя дверь, и вот он, прекрасный новый мир, уже готов навалиться на меня этим не по-зимнему погожим днем.

Перешагнув порог подъезда, сразу попадаешь в невероятное царство серого спектра. Для полноты картины не хватает только обесцветить разномастные наряды проходящих мимо людей и их нездорово-красный румянец на суетливых лицах, плохо скрываемых шарфами и шапками. Серости сегодня и правда вдоволь: мрачные строи туч, марширующие по бледно-голубому небу, столь же массивные, сколь и уродливые каркасы зданий, которые обступают меня со всех сторон, и, что самое удивительное, – снег. Даже он, поддавшись влиянию этого города, отказался от своей естественной белизны, предпочтя мимикрировать в бесконечную серую массу.

Вся эта серая рябящая белизна вокруг производит какой-то неизгладимый психопатический эффект, давит на глубоко сокрытые болевые точки расстроенного разума. И если во многих произведениях преобладает образ зимы, как образ смерти только лишь потому, что сама природа в это время засыпает и будто умирает, то это очень банальное и поверхностное допущение и ограничение.

Вся эта бесконечная белая рябь грозит тебе гибелью не только и не столько физической: от переохлаждения, свойственных именно этому времени года болезней или, как в прошлом, от недостатка пищи. Моральный и психологический аспект зимы до конца никогда не раскрывается, как и не раскрывается его необратимое влияние на наше серое вещество.

Люди, проживающие в нордических широтах и особенно сильно обремененные своими характерно-национальными укладами и традициями, испытывают в этой бесконечной холодной пустыне такую тягу к самоуничтожению, противоречащую всем инстинктам, заложенным в человека, какую мало где встретишь. Я где-то читал, что в скандинавских странах с их колоссальным уровнем благополучия, мощнейшим индексом счастья и общей направленностью на комфорт личности процент самоубийств просто зашкаливает. И тут возникает сложно объяснимый парадокс: происходит это из-за места проживания и климата, с которым люди сталкиваются ежедневно, или именно из-за высокого уровня комфорта их жизни, из-за того, что в какой-то момент этот бюргерский жирок облепляет тебя со всех сторон, убивая желания? Ты перестаешь ставить себе амбициозные задачи и достигать их, потому что тебе нужно быть таким же, как все, – счастливым и зажиточным, и никаким другим. Тебе нужно быть этой уникальной снежинкой, а двух одинаковых снежинок не существует, однако находиться в огромной массе белого сугроба, совершенно равнодушного к твоим кристаллическим рисункам и узорам. И, проходя по улице, когда просто невозможно отвести взгляд от этого бесконечно белого савана, вдруг внезапно чувствуешь, как кровь в висках начинает странно и интенсивно пульсировать, а взгляд скользит куда-то мимо физических объектов. А ты при этом стараешься смотреть под ноги, сохраняя телесное равновесие, не обращая внимания на равновесие душевное.

Можно ли провести аналогию между зимой и тяжелыми металлами? Можно ли отравиться зимой, как свинцом? Если это так, то шансов у нас практически нет. Мы либо эволю-

ционно выработаем – или выработали – защитный механизм противостояния пагубному влиянию, либо, сами того не зная, медленно умираем, теряем рассудок, и среди нас, среди нашей нормальности, нормальных людей нет вовсе. Прекрасная мысль для зимней прогулки.

Весь этот год какой-то аномальный. Есть что-то осеннее в этой зиме. Густой пенопласт серо-свинцовых туч броской шапкой нахлобучивается нам на головы, сползает на лоб, застилая глаза. Влажность, переходящая в сырость, переходящая в поток под ногами. Измученные зимние ботинки, сапоги и полусапожки, безропотно умирающие в объятиях зимних луж. И тонкая полоска хандры, балансирующая на лезвии депрессии. Я стал неорганизованным, стал чувствительным. Видимо, размякаю вместе со снежными настами. Сказываются погода, усталость и общая нереализованность буйных потребностей моей неистойвой души.

Этот город настолько велик, что складывается впечатление, что всю его фигуру разделяют бесконечные широты, климатические пояса, природные аномалии. Снег с дождем, дождь со снегом, ледяной дождь – выглядит как ассортимент новомодной кофейни. Выглядит как серая повседневность.

Жалостный снежный скрип под ногами наигрывает неясную, но ритмично-маршевую мелодию, а стремления прохожих уносятся в конечные точки их затейливых маршрутов. Пройдет всего несколько минут, и этот скрипящий звук, похожий на песни античных сирен, уведет и меня туда, где сотни и тысячи таких же, как я, странников продолжают свой скорбный мирской путь – под землю. В метро.

Глава 1

Узкая дорога между двумя предприятиями, когда-то режимными и очень статусными, натянутой стрелой уходила в глубокий сумрак. Изредка ее разрезали рельсы и шпалы забытых железных дорог, еще не так давно бывших важными кровеносными сосудами этих промышленных точек и переносивших на себе ресурсы и материалы, столь необходимые отчизне. Освещение было скудным, но и ему стоило радоваться. Многие подобные индустриальные участки, разбросанные по всему городу, не могли похвастаться и этим. Они медленно приходили в упадок от времени, вандалов и осознания чувства собственной ненужности. Чумные пятна промышленных зон никого не беспокоили, их проще было игнорировать, чем что-либо с ними делать.

Раньше эти гиганты были островками равновесного производства, обеспечивающими горожан работой, досугом и всевозможными благами потребления. Там люди трудились, влюблялись, ссорились – проводили большую часть своей жизни. Сейчас только скудные ностальгические воспоминания ворошили их сон. Многие острова затопило море жилой недвижимости, многие подпали под метаморфозу бизнес-центров. Эти же остались доживать своей век в неизвестности и покое.

Темная фигура плавно двигалась, стараясь не попадать в редкие столбы света. Сейчас эти маневры были абсолютно без надобности – на несколько сотен метров кругом не было ни единой живой души, даже отдаленный собачий лай старался облетать это место стороной. Но лишние меры предосторожности никогда не бывают излишними.

Было морозно. К утру обещали еще большее похолодание и осадки. Автомобилистам рекомендовали использовать общественный транспорт во избежание пробок и транспортных коллапсов. Тень продолжал свой путь. Запахнутый в черное клубящееся пальто, он медленно плыл куда-то вперед, к одной лишь ему известной цели. Пересекая один железнодорожный переезд за другим, фигура взяла чуть правее и устремилась в сторону массивных стальных ворот, шутиливо украшенных геометрическим рисунком, состоящим из одного ромба.

Прежней функции массивная конструкция уже не выполняла, что позволило фантому просочиться на заброшенную территорию одного из заводских комплексов. Огромный скелет индустриального динозавра неуклюже распластался в своем ареале обитания. Время здесь замерло между восьмидесятыми и девяностыми годами двадцатого века, образуя странную аномалию временной петли: щиты-транспаранты с бодрыми лозунгами, мозаичный вождь мирового пролетариата над одним из входов в сам промышленный корпус, остовы конструкций, которые ушлые деятели не смогли растащить, – все было свалено в одну историческую кучу. Только колючий ветер никак не хотел покидать эти места. Он блуждал по пустым замусоренным цехам, разглядывал разбитые шеренги окон, мирно убаюкивая этого железобетонного старика.

Внутри, по сути, не было ничего интересного, и фигура начала аккуратно обходить один из цехов. В крошечной ночной мгле, зимой, эта задача оказалась не из легких. Сугробы громоздились выше колена, местами подмерзший снег становился очень плотным, а ледяная корка только укрепляла хитиновый панцирь. Если бы Тень не был здесь раньше, то на его блуждания могла бы уйти вся ночь. Чернильная темнота была почти безлунной: луна, затаенная пухлыми снеговыми тучами, лишь редкими бликами просачивалась между их ожиревших тел. Эти редкие блики отраженного света на снегу служили для фантома милосердными подсказками, которые помогали сократить столь долгий, но столь важный путь. Цель была уже близка. Изрядно продрогнув, обмеряя сугробы скрипучими шагами, Тень достиг места, где стена особенно четко оскалилась гнилой плотью кирпичей. Из туманного силуэта показалась массивного вида рука, которую венчала выдавшая виды кожаная перчатка. Нежно протискиваясь

в практически незаметный зазор в стене, Тень прильнул ближе всем корпусом – теперь длины должно было хватить, чтобы найти свой священный Грааль. Еще мгновение, и рука вновь слилась с аморфным силуэтом, заботливо увлекая долгожданную находку вглубь пальто.

Миссия была исполнена. Даже в этой непроглядной ночной пучине было заметно, что фантом ликовал. Дыхание стало сбивчивым и посылало обильные клубы пара в морозное пространство ночи, шаг стал легче и игривей. Если бы не крошечная темень, возможно, мы бы даже увидели вождельные судороги, что пробежали по всему его телу. Пора было возвращаться. Проторенным маршрутом фигура поплыла в обратном направлении.

– Ну и дурик! – Тень насторожился.

Любой пусть даже самый невнятный звук здесь и сейчас казался жутким и громким. Это мог быть гомон случайных прохожих, могла быть игра воображения. Или просто эхо, которому так нравилось бродить среди этих советских руин.

– Чего ты боишься? Тут давно никого нет! – Голоса приближались.

Фигура панически вжалась в стену, стараясь не производить лишнего шума. Ворота фальшиво скрипнули, и на заброшенную территорию вторглись три новых силуэта. Почти задержав дыхание, все еще вжимаясь всем корпусом в прямоугольник стены, Тень попробовал оценить нарушителей. Каждый был невысокого роста, скомканые конусы, венчавшие фигуры, выдавали шапки.

– Вот мы сейчас и проверим, какой ты смелый на самом деле! Мамке своей будешь рассказывать... – Голоса были звонкие, их еще не ломал возраст.

– Дети... – мелькнуло у Тени в голове. – Подростки.

С подростками, пусть и с тремя, он мог справиться, а если взять в расчет, что сокровенная вещь была уже у него в руках, ему оставалось только поскорее покинуть этот заводской плен. Любыми методами и как можно быстрее.

Силуэты слегка рассредоточились. В воздухе мелькали фразы про храбрость, улетные видео, уважение друзей, одноклассников и, конечно, девочек. Они стояли слишком близко к воротам. Почему именно здесь? Призрак негодующе начал перебирать шансы этой встречи. Весь этот промышленный район был заброшен, вся эта террактотная армия зданий могла бы принадлежать им, но они выбрали его завод, его ворота. Юношеские амбиции сейчас путали Тени все карты.

Дети в этом возрасте начинают совершать странные поступки с сомнительной мотивацией. Но чаще эта мотивация вообще отсутствует – есть стойкое опасение выбиться из струи сверстников, оказаться не таким, как все, потерять популярность или никогда ее не обрести. Начинают зарождаться зачатки вредных привычек, в которые юные нежные особи ввергают себя, искренне того не понимая. Это первое знакомство с мнением общества, первая примерка строгого платья конформизма, в которое мы на всю жизнь облачаемся, чтобы прослыть добрыми горожанами, любящими родителями и чуткими друзьями.

Секунды казались часами. Нетерпение Тени росло все больше и больше. Мороз предательски колот все конечности. Ребята не спешили разойтись, следуя непонятному, одному им известному сценарию. К огромному разочарованию фантома, они не спешили ни углубляться во чрево заводского комплекса, ни покинуть его окончательно. Их дислокация оставалась все такой же неудобной, и о незаметном отступлении не могло быть и речи.

Мальчики явно спорили. Одному из них было не по душе исполнять приказы своих товарищей.

– Что, будешь маму звать? Или еще кому пожалуешься? – Едкий издевательский тон кислотой жег юную неокрепшую душу.

– Я говорил, что не надо брать этого. Только проблемы да сопли! Малыш! Ха!

Те двое явно пользовались своим численным превосходством и нелепым авторитетом. Видно было, что весь их сценарий обработки несчастного третьего – хорошо отрепетирован-

ный, много раз обкатанный механизм: механизм подавления личности и вязкого вовлечения. Словом, прямой пример того, как общество, общественное мнение, калечит и меняет нас. Не нужно даже что-то анализировать и искать – нужно бить наотмашь по самым уязвимым местам, которые в этом возрасте одинаковы у всех детей.

Ситуация накалялась. Тонкие нити манипуляции превращались в толстые канаты, а изящные игольные уколы – в ножевые ранения. Это было эмоциональное избиение, экзекуция, в которой невозможно ни ответить, ни терпеть. Тень физически чувствовал, как в мальчике переворачивались костяшки домино. Одна эмоция толкала другую, третью. Поток набирал силу. Зависть, обида, бессилие, злость... Вопрос был лишь в том, что он предпримет. Варианты еще оставались. Разум упорно пытался объяснить, что нет смысла меряться тем, что еще не сформировалось в полной мере, что в жизни еще будут схожие ситуации и нельзя отдавать себя на заклатие. Инстинкт самосохранения вторил ему. Он умолял забыть все происходящее, отринуть гордость и бежать, бежать без оглядки, навсегда покидая это место.

Если бы кто-то сейчас задался целью оставить в мире один-единственный звук, который исчерпывающе описывал бы происходящее, самым подходящим выбором был бы свист. Свист эмоций, заглушающих и разум, и здравый смысл. Клокочущий, вырывающийся из неокрепшего тела. Окружающее пространство подсознательно сузилось до абсолютно белой комнаты. Гладкие стены без посторонних вкраплений, монотонный свет без определенного источника. В центре помещения стояла плита, а на плите неумолимо умирал эмалированный чайник со свистком. Жидкость, вскипающая в нем, меняла свою физическую форму, утекая паром сквозь тонкое отверстие и производя жалобный и раздражающий звук. Еще немного, и она полностью покинула свою металлическую тюрьму. Под напором температуры чайник оплавился. Точно так же было искажено и искалечено естество этого молодого тела.

Эти искривленные чувства вырвались из него. Они сплелись с желанием что-то доказать обидчикам, что-то доказать себе. Разум замолчал, самосохранение задыхалось под удавкой бравады. Он не слюняй, не рохля, не маменькин сынок. Сейчас он готов был прыгнуть с вершины Великого каньона без страховки, нырнуть в Марианскую впадину – сделать любую глупость, которую прикажут сделать его подельники. Указание было простым: проникнуть в недра умирающего комплекса и добыть любой из оставшихся артефактов ушедшей эпохи.

Наконец картина ожила. Вопреки здравому смыслу, отринув осторожность, один из мальчиков двинулся в ту сторону, где укрывался Тень. Двое его соучастников напряженно застыли у раскрытых стальных ворот. Скрип снега звучал все ближе. Нужно было действовать. Собравшись, призрак выпорхнул из своего укрытия, оказавшись один на один с несчастным храбрцом. Малыш оторопел. Этой секунды хватило, чтобы Тень молниеносно схватил его и, как пушинку, отшвырнул прочь. Его товарищи пришли в замешательство и остолбенели, ноги предательски не двигались, они были максимально уязвимы. Фигура ускорила шаг, почти перейдя на бег. В бедных бликах луны она выглядела для этих детей чудовищной. Инъекция ужаса и адреналина ударила им в кровь, и, забыв про своего друга, ребята ринулись в зияющую пасть ворот. Фантом с силой налетел на них, увлекая за собой саваном черного пальто.

Глава 2

Гербертовские черви суетливо копошатся в раздутом теле огромного мегаполиса, развратно распластавшегося на многие километры. Отряды деловитых муравьев-объездчиков штурмуют их сине-голубые сочленения, с неуклюжей ловкостью запрыгивая внутрь этих кольчатых гигантов. Здесь царит своя собственная атмосфера. Подземелье обнажает и возвышает все первобытные инстинкты пассажиров-инсектоидов. Люди грубы, холодны и эгоистичны. Борьба за место под искусственным солнцем, что освещает неподдельно неудобные лавки вагонов, достигает своего апогея.

Вот милая старушка еле волочит ноги, обутые в изрядно потрепанные валенки. Способна ли эта картина вызвать хоть толику сострадания в душах окружающего улья? Подпорхнут ли к ней на крыльях милосердия статные леди и джентльмены? Нет, они прекрасно знают подобных хищников. Эта маскировка может обмануть лишь дилетанта, первый раз пустившегося в отчаянное подземное путешествие. Лишь вагон откроет свой зияющий пролом, лишь это божье создание увидит свободное, да плевать, если и не свободное, место... О, на эту картину можно смотреть бесконечно! Демон овладевает немощным телом, сверхъестественная энергия наполняет каждую клетку. Расталкивая наивных пассажиров, не вовремя оказавшихся на пути, старый монстр в два прыжка достигнет цели. И не дай вам Бог занять вожаемое место этой фурии! Столько емких, глубоких и интересных фактов о себе вы вряд ли еще где-то услышите.

Вот и очередной парадокс: мы не просто хотим, мы требуем всеобъемлющего уважения к своей частной жизни, к драгоценной интимности наших чувств, эмоций и действий. При необходимости – бьемся за нее насмерть, до последней капли крови. Однако в монотонной повседневности мы радостно плюем на жизнь чужую. Украдкой, тихо, тайно косимся в чужие телефоны в общественном транспорте. Подглядываем, подслушиваем. Ловим каждую букву, каждый знак препинания. Вырывая слова и мысли из контекста, додумываем, формируем чудовищные образы осуждения, которые базируются на мимолетном, секундном взгляде. Как при таком поведении не рассчитывать на взаимность? Как требовать уважения к себе, когда ты сам мечтаешь вторгнуться, хоть одним глазком, хоть одним словом, в частную жизнь обывателей? Вплести их в извращенную и гиперболизированную методику оценки качеств и поступков. Характеризация личности человека по одному слову, по одной фразе – это было бы смешно, если бы не было так серьезно.

Человечность сегодня явно переполняет обитателей подземки. Я спешу запрыгнуть в открытые двери вагона. Легко порхая по лестнице, мой взгляд сталкивается с глазами машиниста, и они не сулят мне ничего хорошего. По его зрачкам пробегает темная рябь, а лицо на доли миллиметра искажается в подлой ухмылке. Я уже знаю, что сейчас произойдет, но доверяю своим скорости и реакции... И зря. Подлец наотмашь ударяет меня дверьми. Побитым псом я протискиваюсь в вагон. Ангел мести клокочет во мне, как сицилийский вулкан. Тонкими струйками жгучей лавы он уже вырисовывает коварный план.

Это первый вагон, у меня есть место для маневра. Я подхожу к хлипкой дверце и начинаю истошно барабанить в нее. Реакция вагонных обитателей – последнее, что сейчас забавляет меня. Гулкие удары обрушиваются на холодную металлическую поверхность. Пустая трата сил. Трус никогда не покинет своей крепости, он прекрасно осознаёт, что он сделал и что его ждет.

Состав останавливается, двери открываются. Я выскакиваю и дергаю ненадежную дверцу его рубки – болван даже не додумался закрыть ее. Жуткий эмоциональный катаклизм впрыскивает токсины ярости в мой организм. Я выволакиваю машиниста и, повалив на мраморный пол, начинаю избивать. Не имеет значения, куда и как попадают мои удары, – сейчас я смакую каждый момент этого представления. Апофеоз гнева.

Механический женский голос выводит меня из транса. Наверное, все это могло бы произойти со мной, а может, происходит сейчас в параллельной реальности с человеком, очень похожим на меня. Покусываю губы, поправляю пальто, выхожу.

А еще буйство запахов. Этот аспект никак нельзя проигнорировать, находясь в каменных лабиринтах подземки. Запахи плывут, искажаются, перемешиваются. Несчастное обоняние начинает биться в истерических конвульсиях от одного только предвкушения этой встречи. Огромный биомеханический пазл: пахнут вагоны – каждая модель по-своему, пахнут станции, пахнут вещи, пахнут люди. Где еще аромат дорогого парфюма может смешаться с грубым флером бродяги? Или откроются двери, и в тебя выстрелит диаграмма этанола, не завершившая свой метаболизм в организме пьяницы. Рулетка начинает крутиться от станции к станции, у нее нет ни шарика, ни ставок, – сиди и балдей, ну или обалдевай. Принцип сезонности тоже не играет никакой роли – одинаково плохо пахнет всегда. Наверно, это единственная достижимая константа в подземном мире.

Делаю пересадку. Удивительно, что в столь технократическом месте еще остаются места, где человеку могут пригодиться ноги. «Осторожно, двери закрываются!» В новом конструкте больше света, больше пространства. Все вагоны слеплены в одну огромную механическую колбасу. Чтобы скрасить досуг путешественников, а заодно вложить в их разум важные вехи, боковые стенки венчают плазменные панели. Вот прогноз погоды обещает потепление через каких-то жалких тридцать дней. Вот новости-страшилки повествуют об исчезнувшей стайке детей и молят сопричастных и равнодушных сообщить подробности. А теперь, на контрасте, глянецовые квадраты демонстрируют лучшие видео из интернета: котиков и сопутствующую милоту из вкладки «Тренды».

Сократив дневную норму подземки до часа или часа десяти минут, невольно начинаешь ощущать себя счастливым. Что ни говори, а подземелье давит. Оно заманивает нас красотой, комфортом быстрого передвижения, но при этом низводит до насекомых. Мы должны не только пожертвовать свои деньги этому богу – нет, ему этого мало. Мы должны отказаться от солнечного света, отказаться от ветра, от чистого воздуха. Мы должны принять это в сублиммированном виде, восторгаться этим и восхвалять, надеясь, что идол еще долго будет одаривать нас своими благами, а мы, скромные слуги, сможем и дальше улаживать его.

Не привлекая лишнего внимания, я протискиваюсь в еще открытые двери. Лавирую между тучным мужчиной средних лет, облаченным в мешковатую куртку, и древней фиолетовой заформалиненной старухой в дореволюционной ветоши, которая не по возрасту лихо орудует сумкой-тележкой. Проскальзываю к параллельным дверям, занимая удобный угол и защищая две трети своего личного пространства. Двери с треском захлопываются, и вагонный гомон начинает интенсивно перемешиваться со звуками ударов колес о стыки рельс. Каждый волен сам выбрать средство, чтобы справиться с этой какофонией: кто-то предпочитает по старинке игнорировать ее, кто-то погружается в чарующий голос собеседника, а кто-то, как я, заглушает ее музыкой.

Эта прекрасная лабораторная площадка показывает, насколько прогресс и регресс идут рука об руку. Прогресс технический и регресс личностный. Помню, школьником я вынужден был мотаться в школу через весь город – чего только не заставят делать родители ради лучших учителей и лучших знаний? И, конечно, для своего культурного досуга я, помимо тяжелых учебников, закидывал в безразмерный портфель тяжеленные художественные книги. Сложно сказать, сколько книг я прочитал таким образом. Бывало, зачитавшись, выходил из вагона и шел, очарованный музыкой строк, представляя героев, тренируя воображение и мешая окружающим. Сейчас книг почти не читают. Местную немногочисленную популяцию книголюбов истребили дикие бараны с гаджетами, привезенными из далеких стран. С врожденным сколиозом, не смотрящие никуда, кроме волшебной глади экрана, они с великим трудом совершают движения, натываются друг на друга, теряют свои тела в изолированном пространстве и упорно

не дают пройти другим людям. Что уж тут говорить об окружающих, мы уже поняли, что всем просто начхать на ближнего своего, но где же он, двигатель человеческой жизни и судьбы – инстинкт самосохранения? Неужели жирные лемминги не боятся споткнуться, покалечиться или упасть? Что такого судьбоносного может содержаться в этих маленьких коробочках, что мы должны молниеносно и немедленно теребить их пальцами и впиваться в них высохшими глазами? Потеря значимости момента. Девальвация эмоций. И если раньше ты использовал технологии для расширения своей реальной жизни, то теперь они нужны для полной ее замены.

Заботливо не снятый рюкзак попутчика беспардонно толкает меня в плечо, сбивая с мысли. Юноша, лет двадцати оборачивается и меряет меня взглядом. Как же красноречив его взор! По нему можно легко понять, что это я задеваю драгоценный рюкзак своим нестати оказавшимся тут вместилищем души, да и день молодого человека сложился бы гораздо плодотворней, если бы моя телесная оболочка тут не присутствовала. Он отворачивается, погружая свой взгляд обратно в телефон.

Вот еще один вопрос: как знакомится современная молодежь? В иных обстоятельствах этому субъекту пришлось бы очень сильно постараться, пожелай он продолжить свой род в этом мире.

Но все же я люблю метро за самую наглядную микромодель мира. В ускоренном порядке сущности сталкиваются и разлетаются, живут свои жизни, ссорятся, влюбляются и умирают. Наверное, в этом гранитно-мраморном Колизее я видел все. Только в здесь, в странном и искусственном месте пересекаются в рамках повседневной жизни, синхронно и не сговариваясь, шаблонно нормальное и вызывающе безумное. Они могут сесть на одной уродливо коричневой лавке и унести в едином центробежном направлении, как два странных фрагмента единого сложного витража.

Глава 3

– Весна-то какая, полноводная, – мысленно протянул Владимир Сергеевич, выходя на балкон.

– Не залило бы озимые – продолжил он, смачно жуя в зубах еще непечатую беломорину.

Утро выдалось весьма солнечным, нежные весенние лучи слепили, но в тоже время тепло ласкали лицо. Так что нужно было либо терпеть, либо плюнуть на всю эту красоту.

«Не залило бы озимые», – мерно протянул в мыслях Владимир Сергеевич и принялся чесать то место, что он гордо величал животом, однако остальные предпочитали коротко и ясно именовать пузом.

Владимир Сергеевич числился штатным бездельником в еще более штатной компании, так что в свободное от своего праздника время, коего было предостаточно, он мнил себя мыслителем и, выходя на балкон, решал судьбы мира. На сегодняшний день весь мир, в лице Владимира Сергеевича, был в рабстве озимых. Что такое озимые, наш герой знал только по простой и вполне доходчивой колонке из Малой советской энциклопедии, однако важность данных посевов казалась ему сейчас самой значимой.

Пошарив по карманам рейтуз советского образца и найдя искомый предмет, а именно коробок спичек, заботливо произведенных на фабрике города Балабаново, Владимир Сергеевич приступил ко второму по значимости, после почесывания выпуклых мест тела, ритуалу – воскуриванию папирос «Беломор». С первой же тягой этого божественного и, несомненно, мужественного табачного продукта его сознание отринуло и озимые, и весну и даже отсутствие каких бы то ни было денежных знаков, которое так волновало его еще вчера вечером. Утреннее курение на балконе оказалось сродни катарсису или нирване, которую так упорно ищут индийские йоги. Обрядившись в сари, можно было бы блуждать по необъятным индийским просторам и, подобно Махатме Ганди, вещать о непротивлении насилию или на худой конец раздавать разнесчастным йогам курево, созданное по одному только Богу известному ГОСТу.

В этом помещении сложно было воспринимать себя жильцом, и Владимир Сергеевич, единственное обитавшее в его недрах существо, был скорее директором музея, нежели постояльцем. Пестрые раритеты разного возраста занимали почти все жизненное пространство. Громоздкий ореховый гарнитур, состоящий из буфета, тумбы и книжного шкафа, уже не мог досчитаться прочих своих элементов, но цеплялся за каждый квадратный сантиметр, вращая в стены толстым слоем пыли. Эти элементы мебели, будто матрешки, заключали в себе предметы более мелкого масштаба, но, как могло показаться, более высокой значимости для хозяина.

Сам хозяин шуточно называл свое обиталище пирамидой. В этом была определенная доля правды – количество подношений, принесенных и оставленных здесь, превосходило мыслимое и немислимое понимание. Отличием было полное отсутствие интереса со стороны Британского музея к этой окостенелой сокровищнице.

Владимир по-отечески заботливо консервировал саму атмосферу в помещении обильными пластами пыли. Местами она уже лежала многослойной твердой коркой, не дающей никакого доступа к естеству пожранных ей вещей.

Отдельный интерес вызывали старые оконные рамы, испещренные трещинами краски. В их межстекольных бойницах россыпью лежали мумии почивших солдат-насекомых, отдавших свой последний долг королевству, но так и не обретший должные почести и покой погребения. Должно быть, это была величайшая трагедия, давно разразившаяся на полях былых сражений. Во всяком случае, такой вариант льстил Владимиру Сергеевичу гораздо больше, нежели планомерное накопление тушек насекомых в столь подходящем для них месте.

На верхней полке буфета стоял набор узбекских пиал с легкими сколами по всему диаметру. Рядом, наезжая друг на друга, теснились статуэтки из гжельского фарфора, ракушки, салатницы, наполненные значками, оторванными пуговицами и монетами. По бокам эту картину обрамляли две небольшие вазы, удерживающие желтоватые от времени зефирины хлопчатника. Ниже, за стеклом, как почетный экспонат, красовался набор чехословацкого хрусталя. Этого государства больше не существовало, но сохранившиеся бокалы так и не смогли определиться с национальной принадлежностью. Графины, стопки – вся парадная утварь молчаливо ждала своего часа за стеклом витрины.

Стену укрывал традиционный пылесборник каждой уважающей себя советской квартиры – ковер с психоделическим геометрическим рисунком. Вокруг него на стенах толпились выпелы бывших достижений народного хозяйства, панно, фотографии в массивных запыленных рамах.

Там, где место на стенах слегка расступалось, жизненное пространство отвоевывали массивные книжные полки. Своих функций они не выполняли, так как были заставлены прочими мелкими, но не менее памятными сувенирами. Отдельный экспонат представлял собой неуклюжий книжный шкаф на раскоряченных ножках, доверху забитый всевозможной популярной литературой. Популярность ее можно было оспорить, так же как и литературный вклад, однако эти масштабные труды все же присутствовали в коллекции, исполняя роль декора и придавая хозяину вид и статус интеллектуала. Верхнюю полку заполняли серые книги, на корешках которых некрасивым черным шрифтом красовались три волшебные буквы, известные каждому человеку, который хоть раз сталкивался с советской литературной историей, и буквы эти были – ЖЗЛ.

Владимир Сергеевич долгое время пытался понять, чем же знамениты большинство этих несомненно выдающихся и замечательных людей, но к своему стыду, мог узнать только порядка одной четвертой из смутно знакомых фамилий.

Чуть ниже находились произведения так называемой зарубежной литературы, дозволенной к изданию в недрах советского общества, – считалось, что эти книги не способны отравить сознание советского человека. Были там и Майн Рид, и Джек Лондон, и прочие, как Владимиру Сергеевичу казалось, классики мировой литературы.

Самый нижний ярус этого ларца знаний занимали огромные художественные альбомы. Тома громоздкого формата А4 в тяжелых переплетах обладали пристойным качеством печати и большим количеством фотографий и репродукций, предлагая каждому, кто дерзнет их коснуться, погрузиться в прекрасный сон мирового искусства.

Отдельным пластом художественных реликвий, которым владел Владимир, были элегантные произведения, выполненные в ныне забытой и не очень популярной технике выжигания по дереву. Персонажи детских сказок, олимпийские медведи и прочие доступные советскому ребенку лекала радостно смотрели на него с этих полотен.

Все вершины книжных полок были заботливо увенчаны расписными глиняными горшками с вонзенными в них мертвыми растениями. Высота нахождения этих предметов совершенно не позволяла среднерослому Владимиру Сергеевичу осуществлять своевременный полив своего урожая, и в результате все они застыли в холодной красоте смерти.

Возможно, из-за всей этой едкой атмосферы ему и приходилось закалять свой организм ежедневным курением. Уму нормального человека было непостижимо: как можно не просто находиться на подобной исторической свалке, а ежедневно проводить на ней так много времени. Этот ядовитый воздух наполнял его легкие ежеминутно, ежесекундно. Должно быть, папиросный дым служил горьким лекарством и тяжелым противоядием. Со своего исторического насеста Владимир продолжал следить за окружающей его и не его действительностью, замечать детали сегодняшнего дня, изредка оборачиваясь на день вчерашний, и предаваться мыслям, буйно кипевшим в его взъерошенной и давно немойтой голове.

Дни, года и столетия проносились мимо в эти секунды: то пещерные люди жарили мамонтов, то Моцарт писал свой Реквием – подобные события никогда не разделялись в голове Владимира Сергеевича. Смысла этих вех мирового развития он все равно не понимал, но на своем весеннем балконе обязан был подумать и о таких «пустяках». Четырьмя этажами ниже хлопотали люди-муравьи, разъезжал транспорт всевозможных конструкций и цветов. Словно не замечая этого, солнце заливало все происходящее светом и теплом, наплевав на суету.

Кавалерийские отряды идут в атаку, рыцари мешаются с викторианскими пехотинцами, роботы разрывают клешнями и тех и других, и вот уже наступают наши танки!.. Резкий звонок поставил крест на батальных фантазиях. Путаясь в рваных шлепанцах, Владимир Сергеевич нехотя поплелся к телефону, дожидая уже потухший ритуальный бычок. Черный телефонный аппарат, который определенно превосходил возрастом нашего героя, разрывался от напора неизвестного абонента. Домашний номер знали всего два-три человека, такая роскошь, как мобильный телефон, был давно отключен за неуплату, да и смысла в нем не имелось – звонить было некому.

«Кого несет нелегкая?» – чертыхался Владимир Сергеевич, окончательно запутавшись во всевозможных половичках, разрозненных парах обуви и прочем хламе, разбросанном по квартире.

– Аллë! Да аллë же! – почему-то хрюкнул он в грязную трубку. – У аппарата! Говорите!

Сквозь шипение допотопного агрегата доносилось ни с чем не сравнимое тяжелое дыхание.

– Фома, ты? – заговорщицким шепотком произнес Владимир Сергеевич, мимолетно оглянувшись, не следит ли кто.

Собеседник отрывисто и слегка с присвистом выдал:

– Да-а!

Людей Владимир Сергеевич не любил. Он даже вывел формулу, где все бедствия суммировались в биологическую форму с четырехкамерным сердцем, сложной нервной системой и прочими руками и ногами. Однако к совершеннейшему одиночеству мало кто приспособлен, и стареющий бездельник окружил себя парочкой копий, одной из которых и был звонивший.

Глава 4

Этот праздник, это время пробуждения, время очищения – весна. Весной царит молодость и правит любовь. Это происходит везде, кроме наших широт. Здесь весна – всего лишь логическое продолжение зимы, плавно переходящее в скудное и короткое лето, с обратным билетом до зимы, минуя осень. Несмотря на подобные препоны, даже в суровых краях мы генетически начинаем радоваться и по-своему чувствовать эту священную пору. Ведь и нас не минуют чудесные метаморфозы этой проказницы: ожиревшие и потерявшие всякие инстинкты птицы радостно беснуются в жалких лунках открытых водоемов, серый раздражающий снег превращается в черно-коричневую кашу, задорно хлюпающую под ногами, люди с психическими заболеваниями обретают уверенность в своих маниях и фобиях. Преображение властвует в мире.

Я, зябко кутаясь в пальто, меряю шагами ступени, покидая гулкой муравейник метрополитена. Стеклопакеты, отделяющие подвижный Аид от реального мира, хищно болтаются на нерегулируемых петлях, норовя оглушить зазевавшегося путника. Первые мои шаги по поверхности вызывают стойкое разочарование: о чистой обуви можно забыть до мая, а то и до июня. Развивая стойкость и упорство, я продолжаю следовать по аллее, разделенной между зимой и весной. Куски талого грязного снега уже успели обнажить части прошлогодних артефактов, так неожиданно погребенных первыми зимними осадками. Воистину, если бы у меня сейчас был аппетит, то он не преминул бы отчалить, удалившись в гораздо более подobaющие места. Парадокс, связанный с климатом этих мест в том, что люди, их населяющие, делятся строго на два лагеря: любящих зиму и люто ее ненавидящих. Несложно догадаться, чье философское течение поддерживал ваш покорный слуга, однако оба этих лагеря почти всегда с нетерпением ждут весны, а дождавшись, испытывают, мягко скажем, легкое разочарование. Эта зеленая и молодая красавица ничем не походит на картины Боттичелли или Левитана. Напротив, барышня коварна и сочетает худшие привычки и зимы, и осени, добавляя к ним лишь щепотку утонченной индивидуальности.

Я блуждаю знакомыми дворами, то ускоряя, то замедляя шаг. Взор мой устремлен вниз. С грацией сапера я стараюсь обходить все сложные ловушки, что сегодня расставила погода.

Признаться честно, я думал, что характера хуже моего просто не существует. О, сладкое заблуждение! Весна, эта взбалмошная дамочка даст прикурить на много-много дней вперед. Ее приход напоминает очень странные романтические отношения с элементами сексуальных отклонений. Она ласково бросит взгляд через плечо в феврале, повеет теплым воздухом, легкой оттепелью, звонким щебетом птиц в декорациях корпоративной романтики на четырнадцатое февраля. Только один взор, один нежный шепот – и ты теряешь всякое самообладание, фиксируешься только на одной идее ожидания, смакуешь в своей голове полноправное наступление этой поры. Федор Иванович, Афанасий Афанасьевич – как же, наверное, прекрасно наблюдать такие явления из окна уютной усадьбы, не будучи обремененным ежедневной обязанностью зарабатывать на хлеб насущный, не месить ногами все эти проявления первых любовных порывов!

А потом причуды барышни начинают скакать, как настроение шизофреника: жижа сменяется льдом, лед – жижей, снег – дождем и наоборот. Температура за бортом волнообразно движется относительно нулевой оси. Даже здоровые люди, если таковые, конечно, еще остались на нашей планете, немедленно хиреют. Романтично, не правда ли? Одни капризы порождают другие, тянутся бесконечной жемчужной нитью, и вот тут и рождается вопрос – зачем я этого жду?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.